

Государь слушал внимательно; выражение получилось особое—грустное и странное, на меня действовавшее удручительно, даже жутко. Видимо, многое роилось в голове этой скрытной, загадочной натуры.

Запись в дневнике гр. С.Д.Шереметева от 11 марта 1908 г

Сделаем сразу же успокоить читателя в неожиданное заглавие данного очерка, не вкралось никакой опечатки. Далее речь действительно пойдет о последнем российском самодержце и первом поэте. Точнее об отношении императора к памяти Пушкина о том, что сумел сделать Николай II за годы своего правления для отечественного пушкиноведения в деле разыскания реликвий, связанных с дорогим именем. Впрочем, иные вечные заслуги известны, хотя давно и упорно замалчиваются — вспомним хотя бы размах и успех всероссийских торжеств 1899 года, немыслимых без всесторонней поддержки правительства и верховного распорядителя. Однако тогда как и в ряде других случаев император не афишировал своей роли, практически не появлялся на авансцене действия, режиссировалось как бы обезличенной властью «государственного издательства». Позднее выяснилось, что покровительство пушкинскому союзу не было случайным эпизодом в жизни царя. Архивы сохранили немало тому подтверждений. Более того, недавно обнаружилось новые ценные документы, поведавшие о некоторых аспектах именно личного участия Николая II в посмертной судьбе национального поэта.

Таковыми уникальными историческими источниками, созданными в начале XX столетия, являются многочисленные дневники видного государственного деятеля графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844—1918). ныне они хранятся в Российском Государственном архиве древних актов в составе огромного родового архива сановника (фонд 1287).

Граф С.Д.Шереметев был человеком во всех отношениях замечательным, цельным, неповторимым. Задумавший друг «царя-миротворца» Александра III, обер-егермейстер и член Государственного Совета, он сделал чрезвычайно многое на поприще русской культуры. Председатель Императорской Археологической комиссии, почетный член Академии наук и действительный член Академии художеств, председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения — вот перечень лишь малого числа должностей, которые граф исправлял на протяжении десятилетий отнюдь не формально. Издал он и великое множество ценнейших старых бумаг, выделенных, хотя бы, знаменитый «Остафьевский архив князей Вяземских». Кстати, в 1898 году С.Д.Шереметев приобрел и само Остафьево, превратив усадьбу и парк в настоящий музей и приведя в порядок пылившийся там архив. Публиковал граф и сборники документов под названием «Старина и Новизна» и мемуары и многое другое — всего и не перечислить. Его земной путь завершился в те же сроки, что и тысячелетний путь Исторической России. На счастье подвижника, ему не пришлось стать свидетелем гибели многих своих историко-культурных начинаний. Само имя графа С.Д.Шереметева впоследствии было бесстыдно забыто. Только недавно, словно спохватившись, вспомнили, таки о его беспримечных «трудах и днях», но еще не скоро, видимо, удастся заглядеть всеобщую вину перед светлой памятью ревнителя родной старины.

По долгу службы и роду занятий граф весьма часто удостоивался высочайших аудиенций. Обычно встречи с Николаем II происходили в царском Селе. Содержание бесед незамедлительно фиксировалось в дневнике — массивной книге в кожаном переплете. Облик дневника имел несомненный «знаковый» характер. «В память императора Александра III беру и размер его собственного дневника, с которым он никогда и нигде не расставался», — написал однажды владетель. Он заполнял свой петописный журнал вплоть до последних дней жизни. С годами скопилось более двадцати книг — неисчерпаемый кладезь сведений для будущих историков. Разумеется, императору Николаю II отведено здесь одно из центральных мест, причем суждения графа предвещавшего катастрофу России и восходящего к ней, весьма нелицеприятны. Но вот что показательно для записи

«пушкинских» разговоров с царем историк-патриот избирает иной тон.

Но прежде чем перейти непосредственно к тем давним беседам, стоит еще раз опровергнуть чуждый миф о «непросвещенности» Николая II о безраздельной власти прошлого быта над ним. Дневник многократно и убедительно доказывает обратное. Из года в год из записи в записи император предстает на его страницах как человек высокообразованный, неустанно интересующийся науками и искусством, в особенности русской историей. Время Александра и Николая, оно же — «пушкинская эпоха» — любимейшее предмет изысканий и размышлений. Любопытна запись доверенная графом С.Д.Шереметевым бумаге 24 февраля 1899 года, после заседания Императорского Исторического общества. «Среди заседания Государь говорил о том, что он рассматривает секретные пакеты и открыл три. В одном были письма Лагарпа, запечатанные императором Николаем, и по поводу одного письма его сказано ружью Николая Павловича, что оно им уничтожено. Но к удивлению до бавил Государь копию с него я нашел в том же пакете, вероятно Государем не замеченную. Затем обращаясь к Шильдеру спросил, каким образом именно это письмо попало в печать в первый том его «Истории Императора Александра», Шильдер промямлил, что неслась копия и замаял ответ».

Приведем и образец историческо-философских рассуждений Николая II касательно той же книги Н.К.Шильдера и легенды

Михаил ФИЛИН

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

По новым архивным данным

Лит. Россия. — 1994. — 14 янв. (№ 1-2). — С. 10-11.

о превращении Александра I в старца Федора Козьмича и его «уходе» (запись от 3 января 1899 года). «Я коснулся Федора Кузьмича и удивления при виде его портрета в «Истории Александра I» и текста заставляющего недоумевать Государь сказал, что это вредит серьезности книги, так как нельзя всякие народные слухи ни на чем не основанные помещать в тексте серьезной истории, притом в самом акте исчезновения Александра I Государь не видит ничего сочувственного, а наоборот, ибо быть зрителем всего, что затем произошло, и 14 декабря — будучи виновником всего — несколько не возмущает личность Александра I, а наоборот. «Это была бы комедия», — сказал Государь. И таких высказываний царя — о Карамзине и Рылеве о Погодине и московских архивах — обнаруживающих глубокое знание, сыщется немало в дневнике графа.

И еще одно предвидение, последнее и необходимое для понимания сути бесед царя с С.Д.Шереметевым. Как будет видно из дальнейшего собеседника не раз обращались к проблеме авторства «Гавриилиады» — распоряжения Николая II зачастую также касались злополучной поэмы, некогда принесшей Пушкину столько неприятностей. Этот лейтмотив разговоров не был случайным. Дело в том, что в 1900 году граф обнаружил письмо поэта к князю П.А.Вяземскому от 1 сентября 1828 года, до той поры известное только в отрывках. В письме Пушкин отмежевывался от «Гавриилиады», приписывая ее князю Д.П.Горчакову. Обработанный находкой историк не преминул оповестить друзей и знакомых. Последовали незамедлительные отклики. Одним из первых ответил И.Ф.Тютчев, сын поэта. Два его письма, никогда не появлявшиеся в печати, тоже находятся в архиве графа. В откровенном 29 августа 1900 года из Мухоморова И.Ф.Тютчев писал:

«Многоуважаемый граф Сергей Дмитриевич! душевно благодарю за брошюру «Татев» и за письмо от 24 августа. Весьма и весьма утешен, что А.С.Пушкин не автор «Гавриилиады». Было бы скорбно думать, что наш великий поэт зама-

рал себя такой мерзостью. Надеюсь, что Вы огласите Вашу счастливую находку в печати. Пушкин этого заслуживает».

В письме от 14 сентября того же года он саркастически добавлял «Бартенев» и мне говорил, что Пушкин несомненно автор «Гавриилиады» и основывал эту уверенность на красоте стиха, причем со смаком прочел наизусть самые скабрзные места. По его мнению Горчаков, будучи плохим поэтом, не мог написать таких прекрасных стихов».

В те дни и месяцы граф получил много подобных хвалебных и одобряющих писем.

ЭПИСТОЛИЯ Пушкина увидела свет в 1902 году в пятой книге «Старины и Новизны». Эта находка во многом определила дальнейшую деятельность С.Д.Шереметева. Граф буквально был одержим идеей о непричастности своего кумира к возникновению богохульной поэмы. И — что пожалуй, важнее всего — сумел увлечь Николая II без помощи которого раздобыть соответствующие документы из секретных архивов было невозможно. Понятно и дальнейшее поведение императора, ведь речь шла не просто об интересном собрании каких-либо бумаг, а фактически о реабилитации и поэта, и гордости нации, оказавшегося когда-то в своей православной стране в крайне шекотливом положении. Как «хозяин земли Русской», как верный сын Церкви и наконец, как русский человек, Николай II всячески желал этого, желал быть может, как никто из его предшественников на троне. И вот кажется забрезжила надежда. Об этой психологической подоплеке надо помнить, приступая к обзору бесед императора с графом С.Д.Шереметевым и их совместных деяний в области пушкиноведения.

Первый разговор, судя по записи графа, состоялся 11 февраля 1902 года в Петербурге. Не приходится сомневаться, что среди прочих тем фигурировала и «Гавриилиада». «В 10 часов прибыл в Зимний Дворец с бумагами кн. А.Н.Голицын» с письмами его к императору

Николаю I. Меня позвали к государю. Опять в том же кабинете Фауста, опять конечно, стоя у дверей «Тужурка» подошла ко мне, и я вручил ей пакет с письмами Голицына. Я сказал, что в них ничего не нашел относящегося до Пушкина, что нужно ожидать, нет ли в бумагах Бенкендорфа, что в Москве я об них говорил великому князю Сергею Александровичу».

В словах графа сквозит некоторая обида, приятельство с Александром III приучило его к более доверительным и уютным аудиенциям. Но в остальном встреча оправдала все ожидания. Высказанная вскользь мысль о «бумагах Бенкендорфа» не забылась. Кажется, царь уже внес дело о «Гавриилиаде» в список наиважнейших и безотлагательных. Обремененный множеством забот, он, однако, очень быстро удовлетворяет просьбу историка. Уже в апреле в дневнике появляется такая запись: «Получены бумаги «от государя» — переписка Бенкендорфа с императором Николаем I по поводу Пушкина в большом пакете за его печатью, но без всякого объяснения. Вероятно, для следующей книги «Старина и Новизна». Эти документы были опубликованы графом в 1903 году в шестой книге означенного издания.

Продолжение наладившегося сотрудничества относится к январю 1904 года. И снова на повестке дня — новые документы. Тогда же пишется письмо на высочайшее имя:

«Ваше Императорское Величество! Дополнительные сведения о Пушкине чрезвычайно дороги по вопросу о приписке ему чужих стихов. Взгляд на него императора Николая I остается все тот же. Драгоценно было бы разрешение напечатать эти строки в «Старине и Новизне»».

Вашего Императорского Величества верноподданный граф Сергей Шереметев».

Историк переписал эту записку в дневник, присовокупив к ней такой комментарий: «Государь вернул мне письмо, сделав на нем надпись «Разрешаю». Имелось в виду донесение, препровожденное графом А.Х.Бенкендорфом. Ни-

1 Лагарп, Фредерик Сесар де (1745 — 1838) — швейцарский политический деятель, воспитатель Александра I.

2 Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — историк, директор Публичной библиотеки в Петербурге.

3 Бартенев Петр Иванович (1829 — 1912) — историк, археограф, редактор-издатель журнала «Русский архив».

4 Горчаков Дмитрий Петрович (ум. 1824) — князь, поэт-сатирик.

5 Голицын Александр Николаевич (1773 — 1844) — князь, обер-прокурор Св. Синода, министр просвещения, член Комиссии по расследованию авторства «Гавриилиады».

колаю I в 1842 году, уже после смерти поэта. Шеф корпуса жандармов высказал предположение о принадлежности Пушкину известных стихов, ходивших тогда по рукам: «Встарь Голицын...». Ответная реплика императора достойна воспроизведения: «Это премило, но невозможно, чтобы это было Пушкина, потому что слишком глупо: многие украшают его именем, чтобы навязать ему изречения дурацкие, как будто нельзя уже оставить его прах в покое». Подлинник, поступивший к графу С.Д.Шереметеву, был написан карандашом и по-французски. «С Высочайшего разрешения» текст поместили в седьмом номере «Старины и Новизны» (1904). Пушкиноведение и публика обрели еще один редкий, «по мнению царя» обнародованный исторический источник.

Богатым на заметки о поэте оказался 1907 год. Так, 5 мая имела место обычная рабочая аудиенция в Царском Селе; ее итогом стали такие дневниковые строки: «Государь предложил мне папиросу и сам дал мне огня (это второй раз за царствование), что облегчило разговор, и я сообщил ему подробности о находке писем Пушкина...». Вероятно, беседа коснулась писем, обнаруженных графом и его сотрудниками в ходе разборки Остафьевского архива. Вскоре некоторые из них были напечатаны в двенадцатой книге «Старины и Новизны» (1907). Как известно, это собрание столь уникально и неисчерпаемо, что сенсационные открытия в нем нередки и в наши дни, в конце XX века.

Важные последствия имело и событие 6 ноября того же года. Запись в дневнике гласит: «В 5 часов Щеглов⁶... Он сообщил о разрешении государя напеча-

«Глубокоуважаемый граф Сергей Дмитриевич!

Позвольте принести Вам искреннюю благодарность за то, что вы были добры поделиться известием о вновь найденном документе, касающемся Пушкина. Очень, очень будет интересно ознакомиться с содержанием этого документа, так как, каюсь, для меня лично в вопросе о «Гавриилиаде» многое еще остается неясным.

Мне вполне понятна та горячность, с которой покойный Николай Платонович «Барсуков»⁷ отвергал принадлежность этого произведения Пушкину. Для всех нас, кому дорог Пушкин, образ его невольно рисуется с его лучшими чертами, чертами Пушкина позднейшего периода, и среди них, конечно, нет места настроению, которое могло дать «Гавриилиаду», но я бы не решился при наличии данных сказать, что нет никаких точек соприкосновения между «Гавриилиадой» и Пушкиным юношеских, «безумных», как он сам называл их, лет, Пушкиным, увлекавшимся «Орлеанской девственницей» Вольтера.

Может быть, новый документ прольет определенный свет на весь вопрос. С нетерпением буду ждать заседания комиссии «Старины и Новизны», о котором Вы упомянули в Вашем письме.

Глубоко уважающий Вас П.Шеффер.

8 ноября 1907 г., СПб.»

Чуть позднее Николай II передал графу для публикации еще одну бумагу. Обе были найдены в архиве Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Они вошли в тринадцатую книгу «Старины и Новизны», где сопровождалась уже традиционным уведомлением: «Печатается с Высочайшего

правоте граф. И поиски неопровержимого свидетельства были продолжены...

ЗАВЕРШАЯ рассказ о знаменательном 1907 году, надо упомянуть и о записи, датированной 14 декабря. Тут император Николай II представит уже в совершенно новом качестве, и его роль в акции, о которой будет сказано ниже, трудно переоценить. С.Д.Шереметев пишет, что на аудиенции в Царском Селе он «начал рассказывать обстоятельно и пространно, начал с вопроса: «Не знаете ли вы проживающего в Париже Онегина?» Я ответил, что слышал о нем, но лично не знаю. Тогда он стал рассказывать, как, будучи в Париже, Коковцев⁹ узнал о коллекциях пушкинских, собранных Онегиным, и начал с ним переговоры, известив государя, которые закончились завещанием Онегина весь свой архив передать в будущий музей имени А.С.Пушкина в Петербург — с тем, чтобы ему дано было единовременно 8.000 рублей и ежегодно по 6.000, и прижизненное пользование архива, который после смерти его поступить должен в Петербург, но для надлежащего контроля до его смерти дело будет находиться под наблюдением нашего посольства. К этому государь прибавил, что видел недавно Жуковского¹⁰, который товарищ Онегина, и обещал свой архив точно так же завещать в тот же Пушкинский музей». Эта запись, близкая к фонограмме, особенно ярко характеризует отношение Николая II к Пушкину. Дело, начатое в Париже графом В.Н.Коковцевым, завершилось уже после революции и мученической кончины царя. В столицу Франции был командирован известный пушкинист М.Л.Гофман, благодаря усилиям которого великолепная коллекция А.Ф.Онегина-Отто в конце концов вернулась на родину, в Пушкинский Дом (а сам М.Л.Гофман стал невозвращенцем). Но финал мог быть и трагичным: примеров гибели и распыления уникальных собраний в годы российского лихолетья предостаточно. Этого не произошло, ибо двадцатью годами ранее вмешался русский император, сумевший заручиться юридическим согласием владельца — человека, как пишут мемуаристы, весьма сложного. Уже одного этого эпизода с протекторатом над парижской коллекцией, спасенной для России, вполне достаточно для того, чтобы признать заслуги Николая II перед пушкиноведением очень значительными. Но ведь подобных эпизодов, как теперь проявляется, было немало...

«Пушкинская» беседа с царем состоялась и 8 мая 1909 года. Тот подробно расспрашивал графа об Остафьеве, о документах архива и ходе работ по реконструкции усадьбы. И выказал интерес отнюдь не праздный, не придал разговору характер пошлого обмена великосветскими пустопорожними учтивостями.

Плодотворной была и аудиенция, назначенная на 22 февраля 1910 года. Граф С.Д.Шереметев занес в дневник: «Потом перешел я к бумагам Щеглова о «Гавриилиаде», служащим продолжением уже разрешенных государем делам в «Старине и Новизне». Сказал, что Щеглов стесняется доложить без ведома Танеева¹¹, в архиве канцелярии которого они хранятся. Государь сказал, чтобы он передал это Танееву, видимо, не желая дать согласие помимо его, что и верно». Как повелось, Николай II не замедлил сделать подобающие распоряжения: дело ведь касалось их общей с графом заветной мечты. Ровно через два месяца, 22 апреля, произошла новая встреча единомышленников, и С.Д.Шереметев отметил: «Благодарил за полученное чрез Танеева разрешение напечатать в «Старине и Новизне» новые сведения о «Гавриилиаде», найденные в архиве Собственной Е.В. канцелярии. Государь приветливо улыбался». Эти «новые сведения» были напечатаны в пятнадцатом номере сборника. 9 мая 1911 года издатель вручил только что полученную из типографии книгу царю: «Я прямо подношу ему «Старину и Новизну». Он был немного бледен, как люди не выпавшиеся. Взял книгу, перелистывал, смотрел

подпись: «10-го класса Александр Пушкин...»

Императора заинтересовало факсимиле подписи Пушкина под его показаниями в августе 1828 года «в присутствии С.-Петербургского Военного Генерал-губернатора». Поэт в очередной раз заявлял, что не является автором «Гавриилиады». В той же книге «Старины и Новизны» были опубликованы и другие материалы из «Переписки по делу о развращении оставленным шт.-кап. Митковским своих дворовых людей в понятиях христианской религии чтением рукописного стихотворения «Гавриилиады», а также о допросе по этому делу А.С.Пушкина и его письменных ответах на вопросном листе, им лично подписанном 1828 г.». Читателю была предложена самая крупная публикация из архива Собственной Его Величества канцелярии: с момента начала кампании, проводимой по инициативе графа С.Д.Шереметева. К сожалению, и эти документы не стали решающими.

Попутно заметим, что в те же годы император Николай II, поднаторевший в данном вопросе и узнавший из новонайденных бумаг о будто бы существовавшей откровенной записке Пушкина о «Гавриилиаде», отправленной на высочайшее имя, распорядился во что бы то ни стало разыскать ее. Упорные поиски не дали результатов. Лишь в 1951 году была обнаружена копия легендарного письма — вроде бы восходящая к пушкинскому автографу и покаянная. Но и донныне в этой истории есть много загадочных белых пятен.

ПРИХОДИТСЯ констатировать, что в деле о «Гавриилиаде» царь и граф потерпели неудачу. Однако неудачу относительную: им не удалось убедительно опровергнуть версию об авторстве Пушкина, но удалось иное, быть может, не менее важное для русской культуры — из небытия на свет Божий были вызволены документы, имеющие непреходящую ценность.

И, наконец, последняя запись о Николае II и Пушкине в этом дневнике. Сделана она 18 марта 1911 года, после заседания Императорского Исторического общества в Царском Селе: «Чтение было Иконникова¹² о Пушкине, очень интересное, и государь слушал внимательно»...

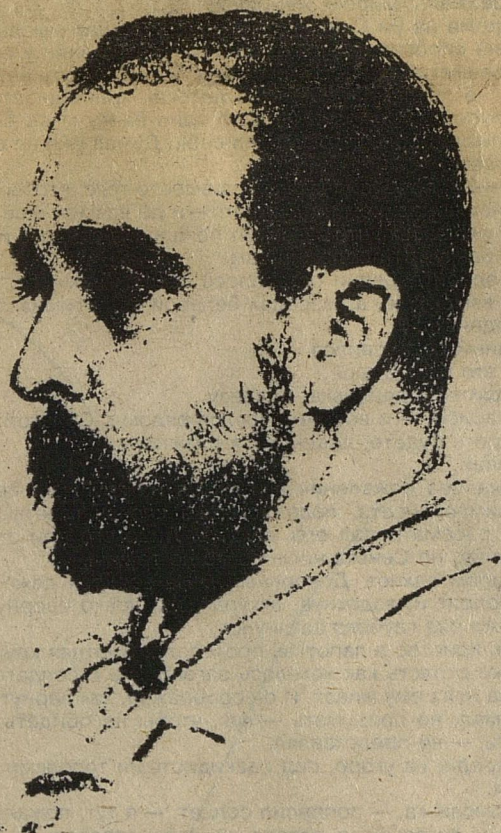
В последующих книгах-дневниках интересующая нас тема больше не затрагивается, хотя по отдельности имена императора и поэта упоминаются постоянно. Этому есть свое объяснение. Видя, что происходит в стране и при Дворе, граф С.Д.Шереметев по мере сил удалялся от петербургских и царскосельских коридоров власти. Подолгу жил в Москве, в Кускове и Михайловском, не забывал и другие владения. «Меня всегда расстраивает возврат, хотя и кратковременный, к этой среде — придворной, петербургской. Я прямо ее не выношу, и действие ее подобно зловредным газам, от которых задыхаешься», — признавался он дневнику. Между тем события принимали все более угрожающий оборот. Граф тяжело переживал очевидное крушение с в о е й России и возлагал часть вины на императора и его окружение. Дошло до того, что с некоторыми пор он стал избегать высочайших аудиенций, когда-то столь желанных, «пушкинских». 27 февраля 1916 года в дневнике появилось: «Послал государю новую книгу «Старины и Новизны», чем избег личного подношения, для меня теперь тягостного». Мысли о «Гавриилиаде» тогда, в дни сражений Великой войны, наверное, отступили на задний план. А ровно через год грянула революция...

Вот как относился, судя по новым архивным данным, последний российский самодержец к первому поэту. Об очень важном свидетельствуют скупые выписки из многолетнего дневника графа С.Д.Шереметева. Видимо, были у Николая II минуты слабости, непозволительные для монарха на крутых виражах истории. Были и ошибки, подчас фатальные. За них он заплатил поистине страшную цену, и не нам, живущим в эпоху небесскровную, но все же таки более «вегетарианскую», судить его. Августейшие промахи не должны заслонить августейших достоинств. Утешительно, например, то, что по духу, почвенно он был настоящим русским человеком и не изменил себе даже среди «измены и трусости, и обмана», когда русских в России осталось мало.

Своим отношением к родным святыням и, в частности, к Пушкину царь личный раз подтвердил это. И как знать, случайно ли эпилог его жизни до боли похож на пушкинский: тот же «свиноец смертельный», та же чужая рука...

¹² Иконников Владимир Степанович (1841 — 1923) — историк, профессор Университета Св.Владимира в Киеве.

И ПУШКИН

тать в «Старине и Новизне» нового документа по делу «Гавриилиады». Здесь наступает один из кульминационных моментов в совместных разысканиях императора и графа. В те дни благодаря содействию Николая II С.Д.Шереметев узнал новые факты, как будто обеляющие Пушкина. Воодушевленный историк опять-таки, как и в 1900 году, поделился новостью с некоторыми пушкинистами. Их реакция была неоднородной — от восторженной до более сдержанной, а то и скептической. Пользуясь случаем, приведем здесь характерное, никогда ранее не публиковавшееся письмо видного искусствоведа и пушкиниста П.Н.Шеффера. Оно также сохранилось в архиве графа С.Д.Шереметева и в какой-то степени polemично применительно к гипотезе графа в целом:

разрешения». Вновь обнаруженные документы исходили из Комиссии по делу о «Гавриилиаде» и адресовались на имя Николая I. В первом (от 21 августа 1828 года), в частности, говорилось: «Главная виновность заключается тут в сочинителе сей богоулюной рукописи. Комиссия старается открыть оно. Пушкин письменно объяснил, что поэма сия не им писана». Другой документ (от 28 августа) уведомлял императора, что, по утверждению поэта, тот некогда всего лишь «списал» «Гавриилиаду» у неведомого офицера Гусарского полка, «свой же список сжег он, вероятно, в 20 году». Как видно, преданные гласности в 1909 году секретные материалы, при всей их значимости, не позволяли вынести окончательный вердикт: в основе их лежали показания лица заинтересованного. Видимо, это хорошо понимали и царственный археограф, и убежденный в своей

⁶ Щеглов Василий Васильевич — заведующий Собственными Его Величества библиотеками.

⁷ Барсуков Николай Платонович (1838 — 1908) — историк, археограф и библиограф.

⁸ Онегин (Отто) Александр Федорович (1844 — 1925) — историк литературы, владелец одной из крупнейших частных пушкинских коллекций.

⁹ Коковцев (Коковцев) Владимир Николаевич (1853 — 1943) — граф, государственный деятель. В 1906 году был во Франции в ранге министра финансов.

¹⁰ Жуковский Павел Васильевич (1840 — 1912) — сын поэта В.А.Жуковского.

¹¹ Танеев Александр Сергеевич (1850 — 1918) — обер-гофмейстер, главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества канцелярией.